

Декабря 7 (20)

Священномученик
Сергий (Голощапов)

Священномученик Сергий родился 6 июня 1882 года в Московской губернии в деревне Баньки, в которой располагалась в то время Знаменская мануфактура Полякова, где его отец Иван Голощапов долгое время работал художником по тканям. В семье было пятеро детей, отец часто болел и по этой причине оставался без работы. Это обстоятельство еще более ограничивало скудные средства семьи. Вскоре после рождения младшего сына, Сергея, вся семья переехала в село Алексеевское, расположенное на окраине тогдашней Москвы. Здесь прошли его детство и юность. Здесь он получил первые религиозные впечатления и представления о Церкви и церковной жизни.

Сергей Иванович Голощапов. 1908

В своем очерке о святом праведном Иоанне Кронштадтском он, касаясь впечатлений детства, писал: «Я был еще ребенком, когда в нашем доме впервые узнали о дивном пастыре. Однажды моя мать пришла от своей хорошей знакомой и сказала: “В Кронштадте, за Петербургом, есть необыкновенный священник – отец Иоанн. Его окружают толпы народа; он раздает деньги бедным, предсказывает будущее и исцеляет больных. Народ окружает его тысячами”. Как сейчас помню нашу маленькую квартирку, где весть об отце Иоанне впервые коснулась моего слуха, проникла в сердце, в самую душу и там глубоко запала. О нем говорили часто наши родные и знакомые, о нем неслись печатно и устно новые и новые вести, ходило много толков в народе; и с той же поры мысль об отце Иоанне Кронштадтском уже не покидала ни меня, ни всех членов нашей семьи... Часто заочно моя мать обращалась к нему с горячей просьбой помолиться о том или другом деле за нас пред престолом Божиим. При этом говорила она, что замечала, когда о чем попросит его, то исполняется. Этой

заочной просьбе к нему она и меня научила. И пишущий эти строки сам, много раз просив о чем-либо заочно молитв отца Иоанна, получал желаемое».

С ранних лет Сергей отличался большой религиозностью, он пел в церковном хоре и прислуживал в алтаре. Преподаватель Закона Божия в начальной школе, видя благочестивое настроение мальчика и учитывая бедность семьи, порекомендовал его родителям отдать Сергея для дальнейшего образования в Заиконоспасское Духовное училище, где обучение было бесплатным. Родители последовали его совету. Окончив духовное училище, Сергей поступил в Московскую Духовную семинарию. Здесь он познакомился с отцом Иоанном Кронштадтским, сподобившись великой чести прислуживать ему в алтаре. «О Боже, можно ли описать то состояние, в котором находился я во время этой литургии, совершаемой отцом Иоанном! – писал впоследствии Сергей Иванович. – Это было что-то поистине необыкновенное, невыразимое, что можно было чувствовать, воспринимать непосредственно душою».

*Сергей Иванович Голощапов (крайний слева),
его супруга Ольга Борисовна (на стуле перед ним).
Башкирия. Лечение кумысом. 1913*

По окончании в 1904 году семинарии Сергей Иванович был принят в Московскую Духовную академию, которую успешно окончил в 1908 году и был оставлен при ней на один год профессорским стипендиатом. Во время обучения в академии Сергей Иванович активно печатался в различных церковных изданиях. Будучи профессорским стипендиатом, он написал и с успехом защитил кандидатскую диссертацию на тему «Божественность христианства», после чего был назначен на должность помощника инспектора в Московскую Духовную семинарию.

В 1908 году он женился на девице Ольге Борисовне Кормер из села Алексеевское, которую он знал с детства. После свадьбы они поселились в Сергиевом Посаде, где Сергей Иванович был назначен на освободившуюся должность преподавателя семинарии на кафедре философии, логики и психологии, полагая преподаванию и ученым занятиям посвятить всю свою жизнь. Получив высшее богословское образование, он по соображениям идейным не хотел становиться священником: будучи человеком свободомыслящим, претерпев многие скорби и трудности в своем нищем детстве и юности, когда получение образования было связано для него с усилиями чрезвычайными, он находил неудовлетворительным положение Православной Церкви в государстве. На вопрос следователя в 1937 году, почему, окончив академию, он не стал служить священником, отец Сергей ответил, что в то время государственные и церковные законы обязывали священника быть на службе у государства, а это его не устраивало.

Несколько лет, наполненных напряженным трудом, привели от природы слабое здоровье Сергея Ивановича в полное расстройство, и в конце концов появились признаки заболевания туберкулезом. В 1913 году Сергей Иванович вместе с женой отправился в Башкирию, чтобы пройти курс лечения кумысом.

В 1914 году началась Первая мировая война, и Сергей Иванович должен был быть призван в армию, но по причине расстроенного здоровья он был освобожден от службы. Взамен этого он должен был нести дополнительное послушание – преподавать на курсах при Покровской общине сестер милосердия, находившейся на Покровской улице в Москве. Несмотря на занятость на преподавательском поприще, Сергей Иванович не оставлял мысли о научной работе и в марте 1916 года представил в академию для защиты магистерскую диссертацию, которая по неизвестным причинам не была защищена. К этому времени Сергей Иванович опубликовал более двадцати статей, очерков и заметок в периодической церковной печати.

В 1917 году в России установилась богоборческая власть, с приходом которой прекратилось существование Духовной семинарии, прекратилась и преподавательская деятельность Сергея Ивановича.

Сергей Иванович Голощапов. 1918-1919

В 1917-1918 годах в Москве проходил Поместный Собор Русской Православной Церкви, к работе которого Сергей Иванович был привлечен в качестве делопроизводителя, и здесь он познакомился с Патриархом Тихоном.

В это время семью Сергея Ивановича выселили из казенной квартиры при семинарии – сначала на улицу, а затем дали маленькую комнату в коммунальной квартире на Сретенке. В доме, несмотря на зимнее время, не было ни отопления, ни освещения. В качестве отопительного прибора посреди комнаты стояла небольшая железная печка, которую топили сначала мебелью, а затем книгами.

После закрытия семинарии Сергей Иванович стал преподавать русский язык и литературу в средней школе (бывшей гимназии Баумерт), в которой и среди преподавателей, и среди учеников царили нищета и голод: все сидели на уроках в верхней одежде, и у учителей, и у учеников случались голодные обмороки. Сергея Ивановича пригласили читать по совместительству лекции на курсах политпросвета в одной из воинских частей, что несколько облегчило материальное положение семьи, так как здесь вознаграждение ему выдавалось не деньгами, а продуктами.

Страдания людей, гонения на Русскую Православную Церковь, любовь к отечеству привели его к решению принять сан священника, которое окончательно утвердилось после беседы с Патриархом Тихоном. В феврале 1920 года Сергей Иванович был рукоположен в сан диакона, а в мае того же года – в сан священника и назначен настоятелем храма святителя Николая в Покровском, напротив Покровской общины сестер милосердия. Рядом с храмом был церковный дом, в котором две комнаты были отведены настоятелю. Со всей энергией пастыря, только что вступившего на священническое поприще, отец Сергей взялся за дело благоустройства и просвещения прихода. Кроме богослужений он организовал при храме некое подобие начальной школы для прихожан, где в доступной форме разъяснял содержание Священного Писания, церковных служб и учил церковному пению. В 1921 году отец Сергей был возведен в сан протоиерея. Все это время он продолжал преподавать русский язык и литературу в школе.

В 1922 году власти стали чинить препятствия тем, кто одновременно со служением в храме занимался преподавательской деятельностью в советских общеобразовательных учреждениях. На следствии в 1937 году протоиерей Сергей сказал, что оставил служение в храме в 1922 году ввиду опубликования декрета, запрещающего священнослужителям быть преподавателями. Уйдя из Никольского храма, отец Сергей служил без зачисления в штат в Никольском единоверческом монастыре, где в это время служил его товарищ по академии епископ Никанор (Кудрявцев).

В 1926 году протоиерей Сергей решил оформить пенсию по инвалидности, что было связано с угрозой новой вспышки туберкулезного процесса в легких. Пенсию по инвалидности он получал небольшую, но оформление его отношений с гражданской властью позволило ему избавиться от того двусмысленного положения, в котором он оказался, будучи одновременно преподавателем советской школы и священником в храме; став пенсионером, он вернулся в клир Московской епархии.

В том же году отец Сергей был назначен настоятелем в храм Святой Троицы в Никитниках в центре Москвы. Основное помещение храма к тому времени было закрыто, и богослужения совершались в подклети церкви, где был расположен придел в честь Грузинской иконы Божией Матери. Первой заботой отца Сергия

было восстановление богослужения в соответствии с уставом, – и со временем богослужение здесь стало совершаться так, как оно совершается в монастырях. Пелись и читались все положенные стихиры.

Это явление было характерно и для некоторых других храмов Москвы, где настоятелями оказывались ревностные и неленостные пастыри. В эпоху беспощадных гонений для многих верующих стала очевидна особая значимость молитвы, и прежде всего – молитвы церковной. Молитва оказывалась зачастую самым надежным путем ко спасению и единственной оградой, поддержкой и защитой среди гонений, бед и искушений. Вокруг Троицкого храма собрался крепкий приход. Здесь все прихожане делали сами – пели, прислуживали в алтаре, читали за богослужением. И все это делалось бесплатно. Свечи прихожане брали сами, опуская посильную лепту в ящик.

Один из прихожан храма, Василий Петрович Савельев (впоследствии архимандрит Сергей), так описывает богослужение в храме: «После литии почти все свечи и лампы были погашены и храм погрузился во мрак. Молящиеся – их было немного, человек тридцать, – сели на скамьи и сидя слушали поучение, полагавшееся на этот праздничный день. После чтения поучения и кафизм все светильники вновь были зажжены и певчие дружно запели псалом «Хвалите имя Господне», и не в четырех стихах, как поется обычно в храмах, а полностью. В этот момент из алтаря вышел священник, держа в руках пук горящих свечей, которые тут же были розданы молящимся. В храме стало светло, тепло и богато. Большие восковые свечи пред иконами горели ярко; подсвечники блестели золотом; паникадило сияло от восковых свечей; тихо мерцали разноцветные лампы; белоснежные узорчатые полотенца нежно облегли темные лики старинных икон; лица молящихся светились радостью, а певчие дружно, обиходным московским распевом продолжали петь стихи хвалебного псалма. “Иже порази языки многи и изби цари крепки”, – пели вдохновенно на одном клиросе, и столь же вдохновенно продолжал другой клирос: “Сиона царя Амореиска, и Ога царя Васанска, и вся царства Ханаанска”.

Окончив этот псалом, певчие с еще большим подъемом запели другой псалом, в котором повествуется о том, как велик и чуден наш Господь Бог. По окончании этого псалма пели величание. Последний раз величание пели все присутствующие в храме. Это был момент наибольшего молитвенного подъема. Было радостно, так светло, так празднично, как бывает только на Пасху. Дальше следовало чтение Евангелия, в котором слова “Сей есть Сын Мой возлюбленный” звучали как непреложная, Божественная истина, озаряющая нашу жизнь и возводящая нас от земли на небо. Во время чтения первого часа почти все светильники были погашены и храм снова погрузился во мрак. Вокруг все стихло, и храм наполнился молитвою. Только ровный и спокойный голос чтеца нарушал благоговейную тишину и разносил по храму слова псалмов, которые сладко западали в размягченную душу. Законы и понятия чувственного мира, которые обычно поработают нас, куда-то исчезли. Вместо них раскрылись законы и понятия другой жизни, духовной, Христовой, которая вне времени и пространства и которая чудесно преображает всех прикоснувшихся к ней чистым сердцем. “Яко тысяща лет пред очима Твоима, Господи, яко день вчерашний, иже мимо иде”, – слышались в затихшем храме слова псалмопевца.

Так, в молитвенной тишине закончилась праздничная утренняя... Под большие праздники совершались “всенощные бдения”. Это означало, что мы начинали службу около десяти часов вечера и оканчивали в пять-шесть утра. Хотя внешнее

убожество наших богослужений в такие праздничные дни было особенно очевидно, но мы его не видели. Теплота соборной молитвы все преображала, нищета раскрывалась богатством, а души наши преисполнялись светлой радости. По окончании службы была братская трапеза. Она была убога, так, кое-что, но и в ней сладость духовная была неизъяснимой. Она была отзвуком “вечери любви” первых христиан».

Однако попытка восстановления богослужения на основе следования букве церковного устава и поставление именно его в центр приходской жизни оказалась не вполне удачной. Архимандрит Сергей (Савельев) писал: «Воссоздание церковного устава в богослужениях не могло быть простым копированием того, что написано в уставе, так как для такого богослужения необходимы люди, не только любящие устав, но и живущие в соответствии с ним. А таких людей почти не было...

Священник Сергей Голозапов. 1926

Протоиерей Сергей Голозапов этого не понимал. Он был убежден, что уставное богослужение найдет горячий отклик среди верующих и поддержка ему будет обеспечена. Но этому не суждено было осуществиться. Оказалось, что совершение уставных служб с “неуставными” людьми было таким трудным и неблагодарным делом, что даже и любители старины не проявляли рвения к тому, чтобы его поддержать. Они заходили в храм, выражали свое сочувствие отцу Сергию, но далеки были от того, чтобы разделить с ним его повседневные труды.

Единственными помощниками настоятеля в совершении уставных служб и в заботах о храме была небольшая группа молодежи. Но и она была связана с ним не столько внутренне, сколько внешне.

Причина этого заключалась в том, что настоятель имел на жизнь Церкви и на ее будущее безнадежно-унылый взгляд. Для него восстановление церковного устава было самоцелью. Он смотрел на жизнь Церкви, как на догорающую свечу, в горести склонив голову. Имея такой взгляд, он замкнулся в своих уставных увлечениях и своих духовных детей старался напитать тем же. Но его духовные

дети были еще слишком молоды, чтобы удовлетвориться такой пищей. Для них само понятие “догорающей свечи” было чуждым. Догорать и чадить может все, но не Святая Церковь.

Для молодых самоцелью могла быть только жизнь во Христе. Восстановление же строгого уставного богослужения было необходимо им лишь в той мере, в какой оно эту жизнь помогало утвердить.

*Священник Сергей Голощапов
Соловецкий концлагерь. 1930*

Это разномыслие между протоиереем Сергием Голощаповым и наиболее жизнедеятельной частью общины с течением времени все более нарастало и углублялось. А так как протоиерей Голощапов не способен был преодолеть это разномыслие, то община была обречена на распад. Этот распад произошел довольно быстро и совершенно неожиданным образом.

В 1927 году митрополит Сергей, замещавший тогда Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, находившегося в заключении, обратился к верующим с воззванием, которое породило в церковной жизни глубокое волнение.

Часть церковного общества осудила митрополита Сергия и откололась от него. В числе непримиримых противников его оказался и настоятель Грузинской общины протоиерей Сергей Голощапов...»

В конце двадцатых годов началась новая волна гонений на Русскую Православную Церковь. 30 сентября 1929 года Троицкий храм был закрыт, а 28 октября его настоятель протоиерей Сергей был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму.

11 ноября следователь Александр Казанский допросил священника. На заданные ему вопросы отец Сергей ответил таким образом: «Принадлежа к Дмитровской группе в силу подчинения ее митрополиту Петру Крутицкому,

я интересовался только церковной стороной их деятельности, а их политическую физиономию я не представляю себе до сего времени. Правда, мне иногда приходилось знакомиться с их документами или с документами их сторонников, но я как-то, по-моему, проглядывал антисоветские места в них. Во всяком случае, я таких документов, четко антисоветских, не помню».

20 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Сергия к трем годам заключения в Соловецком лагере особого назначения.

По прибытии в лагерь священник сразу же был отправлен на общие работы на лесные разработки, находившиеся в глубине большого Соловецкого острова, представляющего собой топкое, болотистое и непригодное для жилья место. На Соловки он попал в то время, когда там еще не окончилась эпидемия тифа, и после недели работы в лесу отец Сергий тяжело заболел и был помещен в центральную больницу лагеря.

Здесь выяснилось, что он хорошо знает латынь и имеет высшее, хотя и богословское, образование. После выздоровления начальник санчасти предложил священнику сдать экзамен на помощника лекаря. Сдав экзамен, отец Сергий остался в санчасти в качестве помощника лекаря, что помогло ему выжить, несмотря на слабое здоровье, в условиях лагеря.

В санчасти было много верующих, и под большие праздники они совершали богослужения, что являлось для них большим утешением. Однако службы эти лагерным начальством не разрешались, и время от времени администрация лагеря обыскивала бараки, изымая все вещи и книги, относящиеся к богослужению. Так, в октябре 1930 года у протоиерея Сергия были изъяты богослужебные книги, епитрахиль, поручи, просфоры, запасные Дары, иконки, кадильница и ладан.

Сразу же после ареста священника его семья была выселена в комнату, которая являлась сторожкой, где когда-то жил один сторож, теперь она была разгорожена дощатыми перегородками на четыре темных и сырых комнатушки.

Летом 1931 года протоиерей Сергий был выслан из Соловков в город Мезень Архангельской области. Тогда же в Москве была арестована его жена, которая также была сослана в Мезень. Условия жизни здесь были крайне суровыми, работа если и была, то только физическая, которая и отцу Сергию, и его жене была не по силам. Жили они, снимая проходную комнату у не отличавшихся доброжелательностью хозяев, а кормились тем, что удавалось выручить за даваемые ими уроки и от продажи бумажных цветов, которые они научились здесь делать.

Летом 1934 года срок ссылки окончился и им разрешено было выехать из Архангельской области в центральную Россию. Они поселились в городе Муроме Владимирской области. Через полтора года им разрешили переселиться ближе к Москве, но не ближе ста километров. Они выбрали Можайск и поселились здесь. Можайск в то время был переполнен людьми, вернувшимися из ссылок и лагерей, было трудно найти квартиру и невозможно было найти работу. У отца Сергия в это время обострились его болезни и к бывшим прибавились трофические язвы на ногах. В 1936 году жене священника Ольге Борисовне разрешили вернуться в Москву. Она устроилась домработницей, и с этого времени у семьи появился небольшой, но постоянный заработок.

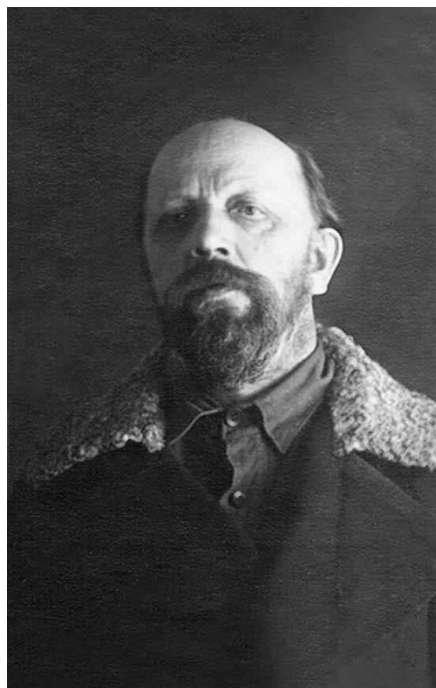
По свидетельству сына, священник в это тяжелое время, когда не виделось никакой перспективы на улучшение обстоятельств жизни в будущем, не только не падал сам духом, но и поддерживал всех, кто обращался к нему за помощью.

В крохотной комнатке, которую он снимал в Можайске, отец Сергей устроил маленький алтарь и здесь совершал утренние и вечерние службы, горячо молясь за всех страждущих и гонимых христиан.

Протоиерей Сергей был арестован 7 декабря 1937 года во время совершения всенощной в своей крохотной комнатке и заключен в тюрьму в городе Можайске. На следующий день состоялся допрос.

– Чем вы занимались, проживая в Можайске? – спросил следователь.

– Проживая в Можайске в течение двух лет, я нигде не работал. Периодически я давал уроки на дому в Москве.

*Протоиерей Сергей Голощапов
Москва. Таганская тюрьма. 1937 год*

– Для какой цели вы имеете облачение и ряд других церковных вещей?

– Я интересовался и интересуюсь археологической и художественной стороной церковных вещей, и собирал их в течение всей своей жизни.

– Занимаетесь ли вы незаконным богослужением и где?

– Незаконным богослужением я не занимался.

– Какую вы вели контрреволюционную деятельность среди населения?

– Никакой контрреволюционной агитации среди населения я не вел.

В тот же день был допрошен хозяин дома, в котором жил отец Сергей; он показал, что ему приходилось бывать в комнате, где жил священник, и видеть в ней церковное облачение, дарохранильницу, церковные сосуды, подсвечники, чаши, кадило, ладан, свечи и уголь для кадила. Исходя из этого он полагает, что священник уходил по вечерам с сумкой и занимался незаконным богослужением, не возвращаясь на квартиру по два-три часа.

– Что вам известно о контрреволюционной деятельности священника? – спросил свидетеля следователь.

– О контрреволюционной агитации священника сказать ничего не могу, так как он вел себя очень скрытно и мне с ним не приходилось разговаривать.

На следующий день было составлено обвинительное заключение, в котором говорилось: «Будучи допрошенным в качестве обвиняемого, Голощапов виновным себя не признал, но достаточно уличается показаниями свидетеля».

16 декабря тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Сергей Голощапов был расстрелян 19 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века
Московской епархии. Декабрь»
Тверь, 2004 год, стр. 46-62.

Библиография

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 7. Тверь, 2002. С. 248-256.